

Как только голос затих, с лестницы донесся голос Цао Даня, который кричал в громкоговоритель: "Нашей команде нужно отладить устройства сегодня вечером, пожалуйста, не входите и не выходите со второго этажа, если у вас нет особых причин. Спасибо за сотрудничество".

Гу Яньшу, который как раз собирался сказать, что сам пойдет спать в гостиную, теперь был вынужден отказаться от этой идеи.

Не только он, но и Шэнь Цзюэ не мог пойти туда, поэтому им двоим пришлось остаться в этой холодной комнате с одним лишь цветочным одеялом.

Гу Яньшу спросил: "Можно открыть отопление?"

Шэнь Цзюэ медленно снял микрофон: "Можно, но сначала придется заплатить двести юаней за отопление".

Такая бессовестная команда режиссеров, когда они хотят лишь повысить привлекательность шоу.

Как же ему пережить сегодняшнюю ночь?

Задумавшись об этом, Гу Яньшу случайно бросил взгляд на цветочное одеяло, лежащее на кровати, и обнаружил, что даже старомодные цвета этого одеяла достаточно велики, чтобы укрыть двух мужчин.

Но вскоре он отказался от этой идеи, так как даже если бы она могла покрыть двух мужчин, он никогда не стал бы спать на одной кровати с Шэнь Юэ.

Хотя он понятия не имел, почему Шэнь Юэ вдруг пришла на это шоу и стала жить с ним в одной комнате, и почему Шэнь стала с ним миловаться без всякой причины, он точно знал две вещи. Он не знал, почему Шэнь Цзюэ вдруг приехал на это шоу и живет с ним в одной комнате, и почему Шэнь без всякой причины любезничает с ним, но он точно знал две вещи.

Нельзя дважды провалиться в одну и ту же яму.

Шэнь Юэ была для него такой ямой.

И даже если он замерзнет до смерти, то никогда не будет спать на одной кровати с Шэнь Юэ.

Подумав об этом, Гу Яньшу поднял голову, показал подбородок из воротника и равнодушно сказал:

"Ты просто спишь на одеяле. Я сам принес одеяло и обойдусь им".

С этими словами он взял в руки старинное одеяло, положил его на кровать Шэнь Юэ и достал аккуратно сложенное кашемировое одеяло из чемодана. Сняв микрофон, он направился в ванную комнату, с пижамой и туалетными принадлежностями.

На Шэнь Цзюэ он не взглянул ни разу, и даже не осталось места для обсуждения.

Казалось, он решил держаться подальше от Шэнь Цзюэ и не мешать друг другу.

Шэнь Цзюэ вздохнул.

Он повзрослел и уже не был тем Милым Гу, которого легко уговорить поспать.

Да и уговаривать его становилось все труднее. Такой холодный, и даже невозможно было понять, счастлив он или нет. Совсем не милый.

Но что делать?

Его все равно нужно было уговаривать, хоть это и было нелегко.

Шэнь подошел к двери в ванную и постучал в дверную коробку.

Гу Яньшу наклонил голову и холодно спросил: "У учителя Шэня есть какие-то другие дела?"

"Мой помощник задержался из-за задержки рейса и не смог прийти вовремя. Не могли бы вы одолжить мне одежду?"

Гу Яньшу уже собирался отказаться.

Но вскоре он вспомнил, что Шэнь Цзюэ был молодым мастером, вспыльчивым и никогда не носил одну и ту же одежду даже два дня.

Да и вообще, это он сам втянул его в ситуацию, не разогрев, поэтому он хотел компенсировать и снять с себя вину.

Поэтому он вышел из ванной с ледяным лицом, развернул чемодан и достал комплект одежды больших размеров, подаренный брендовой компанией, чтобы вручить его Шену: "Ты можешь носить это. Но все они уже были на мне, так что я ничего не смогу сделать, если это вызовет отвращение у учителя Шена".

"Вы хотите сказать, что я никогда раньше не носил вашу одежду? Значит, меня ничто не отвращает". Шэнь Цзюэ взял одежду, перевернул ее и поднял брови: "Но тебе не кажется, что тебе не хватает одной вещи?"

Гу Яньшу невозмутимо ответил: "Что еще нужно учителю Шэню?"

Шэнь Цзюэ также спокойно сказал: "Нижнее белье".

"Что за хрень?"

Гу Яньшу глубоко вздохнул и решил не опускаться до уровня этого чертового натурала. Он снова развернул чемодан и достал коробку с нераспечатанным нижним бельем, чтобы бросить ее Шэню: "Не возвращай".

"Такой щедрый учитель Гу". Шэнь Цзюэ улыбнулся, взял коробку, перевернул ее и многозначительно произнес: "Но.....".

"Но что?"

Шэнь Цзюэ сделал паузу и продолжил: "Но она может быть немного меньше".

Черт бы тебя побрал.

Носи или не носи.

Вот же сволочь.

Гу Яньшу больше не мог его выносить. Он оттолкнул Шэнь Цзюэ, а затем с грохотом захлопнул дверь, отчего балки в комнате дважды содрогнулись.

Дверь почти сразу ударила Шэнь Цзюэ по лицу, но прежде чем она полностью закрылась, Шэнь Цзюэ опустил голову и ухмыльнулся, глядя на ледяное лицо, раскрасневшееся от огорчения.

Затем он неторопливо прошел с одеждой в единственную ванную комнату на втором этаже.

Он подумал про себя: неплохо, раз этот человек может расстраиваться.

Огорчение означало, что этого человека еще можно уломать. Это было гораздо симпатичнее, чем равнодушно-холодное лицо, похожее на лицо мертвеца.

-

Когда Гу Яньшу закончил принимать ванну и вышел, Шэнь Цзюэ уже лежал на кровати.

Он прислонился к изголовью кровати, опустив голову, и играл с телефоном.

Оригинальный свободный свитер был натянут до линии плеч, что придавало ему необходимую жесткость. Темные локоны влажно свисали на плечи, стекали на ключицы, а затем по мускулистой структуре груди придавали ему томный, сексуальный вид.

Говорили, что бабушка Шена имела смешанное китайско-европейское происхождение, поэтому черты его лица были гораздо более объемными, чем у обычных азиатов, но цвет волос и глаз был чистейшим черным, а костная структура - глубокой, что придавало ему классический вид. Именно такой образ был любим режиссерами на больших экранах.

Даже сейчас, укрытый цветочным одеялом в стиле олдскул, нетрудно разглядеть в его костях сдержанное высокомерие, с которым он вырос в высшем обществе.

Поэтому, когда Гу Яньшу впервые встретил Шэнь Цзюэ, он сразу понял, что они не из одного мира.

Только после того, как они вместе пережили долгое время бедной жизни, Гу Яньшу начал забывать об этом и решил поверить в слова убудка Шэнь Цзюэ, что он действительно был бедным мальчиком, который преследовал свою мечту в кругу развлечений.

И в конце концов Гу понял, что этот человек был молодым мастером из семьи лорда, который только хотел испытать тяготы простых людей и сразу же после этого уехал бы. Только сам он был очень беден.

Подумав об этом, Гу Яньшу решил держаться от лжеца Шэнь Цзюэ как можно дальше, обошел его стороной, поднял одеяло и лег в постель, засыпая спиной к Шэнь Цзюэ.

Едва он погрузился в одеяло, как свет предусмотрительно выключили.

На всю комнату внезапно опустилась непроглядная тьма.

От непривычной обстановки Гу Яньшу стало не по себе. Он уже собирался встать, как услышал рядом с собой низкий голос: "Спокойно, просто спи. Дверь заперта, окна тоже. В комнате есть только я".

Тело Гу Яньшу замерло. Он ничего не ответил и снова лег спиной к Шэнь Цзюэ.

Но заснуть ему никак не удавалось.

От холода северной зимней ночи нельзя было укрыться одеялом. Холод просачивался сквозь щели, где негде было спрятаться, пробирался к коже, а затем просачивался сквозь кости, отдавая болью в каждом нерве.

Старая рана на колене стала еще более мучительной.

Ему приходилось то и дело переворачиваться, пытаясь найти жест, который помог бы ему согреться или уменьшить боль в колене. Когда он ворочался, шорохи от трения ткани звучали очень шумно в этой тихой комнате.

Когда он снова перевернулся, его кто-то окликнул: "Вы переворачиваетесь, чтобы сварить яйцо?"

"Извиняюсь. Я не буду этого делать. "Гу Яньшу сохранял холодный голос и собирался оттолкнуть обе лапы Шэнь Цзюэ, не зная его замысла.

Но не успел он вытянуть руки из-под одеяла, как почувствовал, что его заворачивает в одеяло и поворачивает по кругу Шэнь Цзюэ.

Если он чувствовал себя правильно, то сейчас он должен быть завернут, как младенец шелкопряда.

"Шэнь Юэ, что с тобой?"

"Кто, черт побери, ворочался и шумел так, что другие не могли уснуть?"

"Я сказала, что не буду этого делать".

"Тогда я все еще беспокоюсь, не упадешь ли ты в обморок от холода".

"Если даже я упаду в обморок от холода, что уж говорить о тебе... что ты делаешь!"

Не успел Гу Яньшу закончить свои слова, как вдруг почувствовал прикосновение теплого тела. Затем тяжелое одеяло с теплом опустилось на него, плотно укутывая.

До его слуха донесся хриплый, глубокий, немного сонный голос: "Ничего страшного, я просто хочу спать. Так что прекрати и спи сейчас. Завтра мы отправимся дальше".

Гу Яньшу попытался оттолкнуть его, но его самого завернули, как младенца шелкопряда. Несколько раз он боролся, но вместо того, чтобы оттолкнуть его, почувствовал, как по его телу разливается тепло, а сонливость захлестывает его чувства.

Он попытался сделать последний рывок и резко развернулся, но врезался в теплую широкую грудь.

Его тело обмякло.

Сверху раздался хриплый дразнящий голос: "Веди себя хорошо и не пытайся воспользоваться мной".

Кто, черт возьми, хотел воспользоваться тобой?

Гу Яньшу уже собирался назвать Шэнь Цзюэ бесстыдником. Но, почувствовав в носу запах бальзама, смешанного с сосной и кедром, он не стал этого говорить.

Fou D'Absinthe□

Фу д'Абсент.

Такой знакомый аромат старых воспоминаний, обладающий смертельной притягательностью, был похож на эмметазиноподобное успокоительное, пробуждающее в коре головного мозга зависимость, от которой трудно было воздержаться.

Как во сне, он словно вернулся в первую зиму, когда приехал в Пекин.

Обшарпанное общежитие, узкая односпальная кровать, ни отопления, ни кондиционера, даже денег нет, чтобы купить хорошее одеяло.

Как молод он был тогда? Может, шестнадцать, а может, и семнадцать. Он не переносил холода, часто скучал по дому, но не мог вернуться, и ему было трудно засыпать из-за ледяного холода. Нога болела, но он все равно делал все возможное, чтобы тренироваться днем. Слишком много забот, которыми он не хотел делиться, заставили его заболеть.

Три дня его лихорадило, и он потерял сознание. Он ничего не мог вспомнить.

Только вот когда он снова проснулся, то увидел, что Шэнь Цзюэ сидит рядом с кроватью с красными глазами, вызванными тем, что он сел из-за него. Шэнь обнаружил, что проснулся, и проклял его: "Ты что, онемел? Почему ты не сказал об этом, когда так замерз и устал? Кто будет тебя воспитывать, если от жары ты станешь идиотом?"

В то время все считали, что Шэнь Цзюэ зашел слишком далеко, и ругали Шэнь Цзюэ, чтобы он заступился за него.

Но Шэнь Цзюэ уперся и не сказал ни слова в ответ.

Гу Яньшу думал, что Шэнь Цзюэ навсегда отгородится от него.

Однако как раз в эту ночь Шэнь Цзюэ отнес одеяло в его постель, как и сегодня, воспользовался силой, чтобы укутать его, прижать к себе и просветить: "Ты можешь сказать мне, если тебе холодно, устал или больно. Не будь занудой в столь юном возрасте".

Шэнь Цзюэ не заботился о том, хочет Гу Яньшу или нет, он просто укутал его в один кокон.

С пяти лет Гу Яньшу впервые спал в одной постели с другими людьми.

Может, потому, что ему было слишком холодно спать одному, или против упрямства Шэнь Цзюэ не было места, или от тела Шэнь Цзюэ так хорошо пахло, в общем, с тех пор он привык спать с Шэнь Цзюэ.

Ему всегда казалось, что его руки и ноги холодные, но тело Шэнь Цзюэ всегда было теплым. Это стало единственным теплом, к которому он мог прикоснуться во время лютой зимы, а запах Шэнь Цзюэ вызвал у него глубокую зависимость.

Поэтому прошло так много времени, прежде чем он снова почувствовал этот запах.

Удивительно, что по прошествии стольких лет Шэнь Цзюэ все еще пользовался теми же духами, что и раньше.

Удивительно было то, что, как и говорил Фан Юань, они с Шэнь Цзюэ были как масло и вода. Иначе почему каждый раз, когда они сталкиваются, им не везет, а когда расстаются, все идет как по маслу.

Поэтому лучше всего было не беспокоить Шэнь Цзюэ.

Нужно было держаться от него подальше.

Иначе рано или поздно случится что-то ужасное.

Размышляя об этом, Гу Яньшу рассеялся, в глубине души понимая, что должен оттолкнуть Шэнь Цзюэ, но тело против воли начало расслабляться, и сонливость, похожая на прилив, постепенно одолевала его.

Спустя некоторое время послышалось неглубокое ровное дыхание.

Шэнь Цзюэ почувствовал, что человек рядом с ним уже заснул. Он открыл глаза и посмотрел на него при тусклом свете из окна.

Дневная холодность лица исчезла во время этого спокойного сна, сменившись бледностью и мальчишеской симпатичностью. Он слегка выгибал спину, как бездомный котенок, который так хочет спать и только и может, что найти уголок, чтобы тайком подремать, но при этом все время напрягается и просыпается от любого шума.

Шэнь Цзюэ вздохнул.

Он вытянул большую лапу, чтобы потрогать маленькие лапки Гу Яньшу и проверить, не замерзли ли они.

Но как только он дотронулся до них, Гу Яньшу начал что-то неопределенно говорить.

Шэнь Цзюэ замедлил движение и негромко спросил: "Что случилось?"

Гу Яньшу неосознанно погладил его по телу мягким голосом.

"Брат, сегодня так холодно. У меня болит нога, не могли бы мы тренироваться на полчаса меньше".

Шэнь Цзюэ промолчал. Должно быть, этот мальчик грезит о прошлом.

Казалось, что Шэнь Цзюэ ответил ему, и через некоторое время Гу Яньшу снова заговорил низким голосом: "Только на полчаса, пожалуйста. У меня так болит нога, брат".

Прохладный тон голоса стал немного мягким из-за двусмысленности, с жалким чувством мелочности, но не смея жадничать больше. От этой осторожной доброты щемило сердце.

Неважно, как он вел себя при других, он всегда оставался своим Милым Гу.

Шэнь Цзюэ медленно вздохнул, обнял его, погладил по спине и сказал: "Ладно, давай прекратим тренировки, раз уж у тебя болит нога".